Научно-теоретический журнал ВЕЛЕНИЕ

4 2020

Главный редактор *А.П. Забияко*

Отв. секретарь *Е.С. Элбакян*

Международный совет

А.П. Деревянко (Россия)

М. Годелье (Франция)

Т. Йенсен (Дания)

Т. Бубик (Чехия)

Ван Юйлан (КНР)

Шафик Н. Вирани (Канада)

А. Лаврилье (Франция)

Г. Лаказ (Франция)

Т. Муш (Германия)

К. Рунге (Германия)

Х. Хоффман (Польша)

Редакционная коллегия

И.Л. Алексеев

П.В. Башарин

И.П. Давыдов

П.К. Дашковский

Ю.А. Кимелев

Н.Л. Мусхелишвили

Е.В. Орёл

Н.Н. Трубникова

С.В. Филонов

Н.В. Шабуров

М.М. Шахнович

И.Н. Яблоков

СОДЕРЖАНИЕ

История религии

Религии России

Сравнительное религиоведение

Аюшеева Д.В. Проблема дихотомии в классификации буддийских сообществ на Западе.......69

Антропология религии

национальном регионе......95 Философия религии

Цепелева Н.В. Апофатизм христианской веры......102

Социология религии

Религия и право

Куляскина И.Ю. Антитеза Закона и Благодати. Христианский взгляд на право как регулятивную систему (на материале философского наследия Б.П. Вышеславцева и С.Л. Франка).....129

История религиоведения

Землянская	К.А.	Изучение	религиозных	обычаев	и тради	ций
нанайцев в о	течест	гвенной на	уке (дореволк	оционный	контекс	т) и
опыт их систе	ематиз	вации в худ	ожественной з	тнографи	и Венеди	ікта
Марта						137

Информация об авторах	148
К сведению авторов	150
Оформление подписки	152

Учредитель (соучредители): ральное государственное бюдж

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Амурский государственный университет», Региональная общественная организация «Объединение исследователей религии»

Адрес редакции и издателя журнала:

675027, Россия, Амурская область, г. Благовешенск, ул. Игнатьевское шоссе, 21, ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет», корп. 7, каб. 107, редколлегия журнала «Религиоведение»

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки.

Сайт журнала: https://religio.amursu.ru

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. Рецензии на статьи высылаются по просьбе авторов, рукописи не возвращаются.

Амурский государственный университет 675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21 phlox@mail.ru

Изучение религиозных обычаев и традиций нанайцев в отечественной науке (дореволюционный контекст) и опыт их систематизации в художественной этнографии Венедикта Марта

Аннотация. В XIX – начале XX вв. нанайцы являлись одной из самых крупных тунгусо-маньчжурских народностей Дальнего Востока России. Пристальное изучение их традиций и обычаев началось в середине XIX в., когда на Амур были

направлены многочисленные этнографические экспедиции учёных (Л.И. Шренк, Р.К. Маак, К.И. Максимович). В первую очередь исследователей интересовала материальная культура нанайцев, религиозные традиции затрагивались в русле этнографических изысканий. В последней четверти XIX в. внимание учёных было направлено на описание нанайских обрядов перехода (Д. Кропоткин, П.П. Шимкевич). Научные экспедиции начала XX в. своей целью ставили описание духовной культуры нанайцев, её отражение в материальной культуре (И.А. Лопатин, Л.Я. Штернберг). Описание религиозных воззрений нанайцев зафиксированы в результате миссионерской деятельности Благовещенской и Владивостокской епархий. В 1932 г. бывшим дальневосточником, писателем Венедиктом Мартом опубликован рассказ «Дэрэ — водяная свадьба», где он в художественной форме, внося определённые элементы вымысла, аккумулирует и систематизирует накопленные знания о нанайском народе. Несмотря на то, что Венедикт Март пишет об отрицании религиозных обычаев и традиций советским поколением нанайцев, рассказ, по сути, воспроизводит поступательно зафиксированный сюжет свадебного обряда.

Ключевые слова: историография религии нанайцев, нанайцы, гольды, шаманизм, художественная этнография, Венедикт Март, дэрэ, обряды перехода

Kseniya A. Zemlyanskaya

Amur State University 21 Ignatievskoe shosse, Blagoveschensk, Russia, 675027 phlox@mail.ru

The Study of Religious Customs and Traditions of the Nanai in Russian Science (Pre-Revolutionary Context) and the Experience of Their Systematization in the Literary Ethnography of Venedikt Mart

Abstract. In the 19th – early 20th centuries, the Nanai were one of the largest Tungus-Manchu peoples of the Russian Far East. A close study of their traditions and customs began in the middle of the 19th century, when numerous ethnographic expeditions of researchers (L.I. Shrenk, R.K. Maak, K.I. Maksimovich) were sent to the Amur. First of all, the researchers were interested in the material culture of the Nanai, the issues of religion were touched upon in the mainstream of ethnographic research. In the last quarter of the 19th century, the attention of researchers was directed to the description of Nanai rites of passage (D. Kropotkin, P.P. Shimkevich). Scientific expeditions of the early 20th century were aimed at describing the spiritual culture of the Nanai and its reflection in material culture (I.A. Lopatin, L.Ya. Sternberg). The description of the religious beliefs of the Nanai was recorded as a result of the missionary activities of Blagoveshchensk and Vladivostok dioceses. In 1932, the former Far East writer Venedikt Mart published the story "Dere – the Water Wedding", where he accumulates and systematizes the accumulated knowledge about the Nanai people in literary form, introducing certain elements of fiction. Despite the fact that Venedikt Mart writes about the denial of religious customs and traditions by the new generation of Nanai, nevertheless, the story itself is, in fact, clearly fixed at its core by the content of the wedding ceremony.

Key words: historiography of Nanai religion, Nanai, Golds, shamanism, literary ethnography, Venedikt Mart, dere, rites of passage

В XIX — начале XX вв. нанайцы представляли одну из самых крупных тунгусо-маньчжурских народностей Дальнего Востока России. Они населяли среднюю часть Амура, долины рек Уссури, Сунгари, Тунгуски, Кура, Урми. Нанайские поселения были расположены по берегам озёр Болони, Петропавловского, Синдинского и др. До 1930-х гг. в этнографической научной литературе и административных документах для обозначения нанайцев употреблялся этноним «гольды» [История, 2003, 4].

До середины XIX в. нанайцы находились вне сферы влияния православной религии, что способствовало сохранению ими, по сравнению с иными аборигенными народами Сибири и Дальнего Востока, древних обычаев и верований. Во второй половине XIX в. они были обращены в православие, но при этом сохранили тради-

ционную религию (веру в духов, шаманство) [Смоляк, 1999, 366].

Пристальное изучение традиций, обычаев и религиозных представлений нанайцев началось в середине XIX в., когда на Амур были направлены многочисленные этнографические экспедиции учёных (Л.И. Шренка, Р.К. Маака, К.И. Максимовича и др.) с целью изучения местности, природных ресурсов и населения территории, которая вернулась в состав Российской Империи. Эти исследования имели вид дневниковых записей, отражающих те события, которые ежедневно происходили с учёными в период их экспедиции. Описание гольдов не было единственной задачей исследователей, их интересовали все народности, проживающие на Амуре. В отношении гольдов исследователей, в первую очередь, интересовали антропологические характеристики [Мичи, 1868, 322], материальная культура, вопросы расселения [Шренк, 1883, 28–30] и хозяйствования [Мичи, 1868, 319–322; Максимович, 1862]. Помимо этих вопросов Л.И. Шренк пытался прояснить вопрос происхождения гольдов, оспаривая существующее мнение о том, что гольды и гогули, упоминаемые в донесениях Хабарова, – это один и тот же народ: «Как по месту жительства, так и по образу жизни, насколько он обнаруживается в донесениях Хабарова, Гогули никак не могли быть Гольды» [Шренк, 1883, 162-163].

В это же время экспедиция под руководством Л.И. Шренка зафиксировала гольдский обряд оплакивания усопшего, проводы души усопшего в загробный мир, описала обряды, связанные с рождением ребёнка, охотой и медвежьим праздником.

Р.К. Маак первым среди исследователей описал религиозные представления гольдов¹: «У здешнего тунгусского племени гольдиев <...> господствует шаманская вера, и конфуцианское учение, которого держатся возле города Айгуна и которого следы я встречал при устье реки Сунгари, здесь уже не имел последователей. <...> кажется она [вера. – К.З.] имеет большое сходство с верою манягров [эвенков. – К.З.]. Жертвоприношения, заклинания и другие шаманские обряды совершаются здесь в жилищах и под открытым небом, лицом, посвящённым в эти таинства, которое называется, также почти, как и у манягров, саманг; все обряды сопровождаются ударами в бубен и особого рода звяканьем» [Маак, 1859, 184]. Исследователь фиксирует наличие элементов шаманизма у гольдов, делает попытку сравнительно-типологического анализа тунгусских религиозных практик.

Маак очень подробно описывает бубен гольдского шамана (умчохо) и особенности «работы» с ним: «Шаманский бубен < ... > состоит из овального, довольно узкого обруча, с одной стороны которого натянута кожа, а с другой идут от краёв четыре верёвки, прикреплённые в центре бубна к медному кольцу; таким образом, они составляют крест и служат для того, чтобы держать бубен во время употребления. Шаман при обрядах держит бубен в левой руке и сперва подогревает его на огне, чтобы туже натянулась кожа, а потом бьёт по нём искривлённой колотушкой, от чего происходят глухие, но гулкие звуки» [Маак, 1859, 184]. Использование бубна в шаманской практике было характерно для шаманов Центральной Азии [Огудин, 2008, 1426]. Чуть позже М.И. Венюков также, как и Маак, фиксирует использование гольдским шаманом бубна для достижения транса: «При исполнении обряда призывания духов шаманы употребляют бубен и вообще совершают своё дело точно так же, как оно делается у всех тунгусских племён северо-востока Азии» [Венюков, 1868, 91].

Из отдельных замечаний Маака реконструируется типология поведения гольдских шаманов с чужаками: о своей духовной практике не принято было

говорить, этой темы в разговорах с представителем иной культуры вообще следовало избегать.

Исследователь фиксирует факты о вере гольдов в духов гор. В один из этапов путешествия Маак находился рядом с так называемой Серебряной горой, где по поверьям «обитают духи, которые сторожат скрытые в ней сокровища и наказывают неудачами в предприятиях и другими несчастиями всех посещающих эту гору и особенно тех, которые желают найти скрытые в ней богатства» [Маак, 1859, 192]. Проводники с большой неохотой провели исследователя к этой горе, но, по словам Р.К. Маака, возможно, ввели его в заблуждение, показав не ту гору, о которой ходили сказочные слухи.

У Маака мы впервые встречаем упоминание об гольдских идолах (фаня́ или паня́) и неких подушечках, на которых они стоят: «... здесь же стояли, по-видимому, на почётном месте, идолы (фаня́ или паня́), которых всегда берут с собой на новое кочевье. Эти идолы были сделаны из небольших деревянных брусов, вверху обстроганных в виде головы человека, а внизу прикреплённых к квадратной подставке или к четырём изогнутым ножкам; они стоят на подушечках призматической формы, которые, вероятно, имеют значение алтариков, а под подушечками были подложены коврики, вышитые яркимузором, представлявшим цветы икитайские картинки. < ... > впоследствии я видел их во всех жилищах и сколько мог заметить, кажется, они не только служат алтариками для идолов, но также употребляются жителями, как подушки во время сна» [Маак, 1859, 172].

Недолгое пребывание среди гольдов не позволило исследователю точно определить назначение этих идолов; он ошибочно наделяет их сугубо бытовым значением: быть символом дома, который принято брать с собой при летнем кочевье, а подушечке — быть алтарём и подушкой для сна. Более поздние исследователи уже чётко фиксируют сакральный смысл как самого идола, так и подушечки. Уже А. Брылкин отметил: «в день похорон родные делают особой формы подушку; в продолжение некоторого времени, она, изображая умершего, лежит вместе с его вещами на почётном месте и потом служит изголовьем старшему в семействе» [Брылкин, 1864, 6]. Позднее Л.Я. Штернберг определил рап, и как «деревянную фигуру человека на подставке, обиталище души покойника» [Штернберг, 1933, 479] или «изображение для души покойника» [Штернберг, 1933, 519].

В последующих записях Р.К. Маак упоминает и о других идолах, почитаемых у гольдов: например, о прислонённых к стене летника идолах, которые «в полтора фута величиной, имели человеческую форму и были обшиты лоскутками, из-под которых виднелись только голова и кривые ноги; этих идолов жители называют аяме́» [Маак, 1859, 185] и идолах, которых делали из дерева и пришивали к одежде в области плеча — донта [Маак, 1859, 185]. Эти идолы изображались в виде тигра и медведя, почитаемых среди нанайцев как первопредки. Упоминание о культе тигра среди гольдов мы встречаем в это время и у А. Мичи [Мичи, 1868, 321]. Другие идолы, увиденные Р.К. Мааком в летниках, были обиты мехом; по-видимому, они были небольшого размера, т.к. располагались у нанайцев среди хозяйственной утвари [Маак, 1859, 186].

Почти все исследователи середины XIX в. отмечают наличие у гольдов столбов-идолов [Маак, 1859, 185; Максимович, 1862, 78; Мичи, 1868, 320–321]. «Стоит только по соседству какой-нибудь деревни войти на несколько шагов в лес, чтобы тотчас у подножия толстых дерев, тщательно огороженных палисадом, увидать деревянных идолов различных форм. Это – воспеваемые и окуриваемые шаманами изображения разных злых божеств, которые причинили человеку болезнь и которых думают умилостивить такою выставкою» [Максимович; 1862, 78].

Немалое место среди этнографического материала о гольдах той поры занимают описания похоронных обычаев, которые в некоторых случаях приводят исследователей к выводам о представлениях гольдов, связанных с загробной жизнью. Р.К. Маак смог зафиксировать часть гольдского похоронного обряда. Его проводники подробно описали случайно встретившееся им гольдское кладбище: над покойником выстраивается хижина наподобие гробницы, а вокруг погребения находятся вещи покойника, которые были ему необходимы при жизни: «Вероятно, хижины

закладываются уже над гробом, по совершении обряда над телом покойника, а не строятся предварительно <...> Возле гробницы висели на деревьях сети, стояли сани, лежали лыжи, самострелы и другие вещи, в которых покойник нуждался при жизни. <...> от гробницы до берега тянулась возле деревьев длинная верёвка, привязанная к ним, вероятно, для того, чтобы покойникам было удобнее ходить к реке на рыбную ловлю и легче всходить на высокий берег, возвращаясь в гробницу с тяжёлыми запасами рыбы и дичи» [Маак, 1859, 191]. Наблюдение над похоронной обрядностью гольдов позволило исследователю выявить типологические черты в представлениях о загробной жизни гольдов и других тунгусских племён и других народов Сибири, «которые тоже снабжают умерших домашней утварью, рыболовными и охотничьими снарядами, полагая, что покойник нуждается в них и употребляет точно так, как живые» [Маак, 1859, 191]. Таким образом, исследователь зафиксировал и описал наземные захоронения гольдов, которые были распространены до середины XIX в. Уже в 1860-х гг. исследователи фиксируют только обряд захоронений гольдов в землю, что говорит об очень стремительном влиянии русской похоронной традиции на аборигенный народ: «Тело умершего ходзена [наименование гольдов среди маньчжуров. – K.3.] зарывают в землю; ближайший родственник в знак глубокой печали обрезает себе часть косы и носит белый пояс» [Брылкин, 1864, 6]. Многочисленные торговые связи с русским населением, общение с многочисленными путешественниками, миссионерская деятельность Русской православной церкви не могли не сказаться на мировоззрении гольдов [Забияко, 2017, 260-261]. В 1880-1890-е гг. уже повсеместно встречаются описания гольдских захоронений в землю в кедровых гробах: «умерших хоронят в кедровых гробах, зарывая их в землю аршина на полтора» [Надаров, 1884, 14]; «когда гольд умирает, то труп его кладут в гроб, сколоченный из кедровых досок, на ложе из стружек, затем последний зарывают в землю на глубину около 2-х четвертей» [Грум-Гржимайло, 1894, 392].

В конце 1860-х гг. вопрос о религиозной жизни гольдов и их вере в духов рассматривался сквозь призму заимствований у своего более образованного соседа — Китая. Так, русский путешественник, военный географ и этнограф М.И. Венюков в 1868 г. фиксировал значительное влияние Китая на религиозные воззрения гольдов: «Боги гольдов, очевидно, портреты китайских святых и именно религия Фо. Конечно, у них сохранилась вера в прежних духов разных животных, гор, рек, лесов, они глубоко чтут своих шаманов, которых призывают в трудных случаях жизни, но на первом плане стоят чуждые и пришлые боги, почитаемые народом более образованным... Так в племенах, младенствующих по своему развитию, при сближении их с другими, прежде всего, возбуждается желание подражать тому, что действует на мистические наклонности духа» [Венюков, 1868, 17]. Путешественник фиксирует подчинённое положение гольдов по отношению к китайцам и маньчжурам. Это касается не только подражаний в домостроительстве и одежде, но и в религиозных отправлениях культа: «... почти всегда у Гольдов есть небольшая образница, пред которою на поперечных балках дома развешаны цветные бумажки с вырезанными на них узорами. Всё это совершенно так же, как и у Китайцев, только изображения святых обыкновенно сделаны хуже, потому что за хорошие купцы берут очень дорого. <...> подобные же изображения в отдельных часовенках, особенно на вершинах гор, пользуются их уважением, это я видел не раз. Как пред домашними божками, так и пред покровителями гор всегда стоит маленький ящичек или корытце, наполненные иногда ячменём или просом, иногда же просто песком. При таких часовенках стоят чугунные горшки, в которые звонят пред поклонением небольшою палочкою. Пред кумиренками около домов обыкновенно находится два шеста для вешания фонарей в большие праздники, которые у Гольдов впрочем, не совпадают с китайскими. Множество лоскуточков, веточек, соломинок и других мелочей всегда навалено в часовенке проходящими, которые ищут покровительства местных духов, подобно тому, как это делают у нас Буряты, ещё верные шаманству. Вообще шаманство есть, по-видимому, господствующая система религиозных понятий у Гольдов, так что китайские божества составляют уже роскошь или нововведение» [Венюков, 1868, 89-90]. К подобным заключениям придут и исследователи

более позднего времени: «Веруют они китайским богам, как говорят сами, но придерживаются шаманства» [Надаров, 1884, 14].

В своих записках Венюков затронул и похоронный обряд гольдов, отметив, что близкий родственник отрезает себе косу в знак печали по умершему родственнику [Венюков, 1868, 27], а также традицию надевать на покойника серебряный браслет «вероятно как символ чего-либо, нужный в загробной жизни» [Венюков, 1868, 91].

Таким образом, в этот период религиозные представления нанайцев не становились предметом пристального внимания учёных, а присутствовали лишь в контексте исследования материальной культуры туземного народа.

В последней четверти XIX в. пристальное внимание учёных было направлено на описание нанайских обрядов перехода с точки зрения специфики родовых отношений [Кропоткин, 1896; Шимкевич, 1897а; Шимкевич, 18976]. Так, К.В. Ельницкий приводит данные о родовых отношениях в гольдской среде: «брак у них [гольдов. – K.3.] заключается по договору родителей брачующихся. Обычай дозволяет им иметь более одной жены; первая жена всегда считается старшей. Умерших они хоронят в кедровых гробах, зарывая их в землю аршина полтора глубины» [Ельницкий, 1895, 57]. П.П. Шимкевичем подробно описаны шаманские практики среди гольдов [Шимкевич, 1896], сопутствующие родильному обряду, дано описание космогонической картины мира туземного народа: «По миросозерцанию гольдов, на небе (Боа) существуют священные деревья огромных размеров – Омия-Муони, на которых в образе маленьких птичек живут и плодятся человеческие души – Омия. < ... >Шаман, имея способность переноситься на небо, к дереву Омия-Муони, обладает также даром упросить бога Солнца – Дагды-Сиу – ниспослать Омия к какойнибудь женине и дать ей потомство» [Шимкевич, 1897а, 1–2]. Эти сведения ценны ещё и потому, что в это время Православная церковь активно преследовала и запрещала шаманство гольдов, потому все гольдские идолы тогда были надёжно спрятаны от чужаков [Лопатин, 1922, 293].

С конца 80-х гг. XIX в. учёные начинают фиксировать легенды и предания нанайского народа, их отражение в материальной и духовной жизни, культовой практике гольдов [Шимкевич, 18976, 136]. Суеверия, а также религиозные практики, связанные с похоронным обычаем, становятся предметом пристального внимания учёных-этнографов [Шимкевич, 1897а]. Таким образом, мы можем видеть смену вектора внимания исследователей с описания материальной культуры к характеристикам духовного мира и религиозным представлениям нанайского народа.

Полномасштабные этнографические исследования всех сторон жизни исключительно нанайцев предпринимаются научными экспедициями начала XX в. [Лопатин, 1922; Штернберг, 1933; Штернберг, 1936]. Помимо описания обрядов, не нашедших своего освещения в исследовательской литературе XIX в., учёными изучаются предметы быта, одежда, искусство, язык, фольклорные произведения нанайского народа. Штернбергом подробно описаны представления гольдов о загробном мире и связанные с ними обряды, даётся характеристика анимистических представлений гольдов, культа природы и животных [Штернберг, 1933], система религиозных обрядов, связанных с охотой [Штернберг, 1936, 63–64]. Штернберг даёт детальную характеристику «специализации» гольдских шаманов, с которыми исследователю довелось лично познакомиться: «Шаманы у гольдов бывают трёх степеней, в зависимости от размеров силы, сообщаемой им их духами-покровителями: 1) siurinku-saman – шаманы-врачеватели, т.е. умеющие бороться с духами болезней; 2) nemarjti-saman – шаманы, которые, кроме врачевания, совершают обряды при первых поминках; они имеют все принадлежности шамана; 3) kxasati-saman – шаманы, умеющие водить душу покойного в буни, т.е. в царство мёртвых. Шаманы последнего разряда считаются самыми важными по своим функциям и самыми могучими по своей силе» [Штернберг, 1933, 64–66].

И.А. Лопатин в своей работе, помимо исследования всех сторон жизни гольдов, немалое место уделяет и их религиозным воззрениям. Он характеризует особенности личности шамана: «Шаманами первобытных народов называли тех людей, у которых душа отличается силой, храбростью, ловкостью и способностью к

превращениям. Шаманы являются промежуточным звеном между людьми и сверхъественными существами» [Лопатин, 1922, 235–236]. Исследователем очень подробно описаны гадательные и лечебные практики шаманов, обряды их инициации.

Помимо работ учёных-этнографов, описание религиозных воззрений нанайцев зафиксированы в миссионерских документах Благовещенской и Владивостокской епархий. Для достижения результата в обращении, миссионеры изучали обряды и обычаи коренного населения и вели борьбу с традиционными представлениями местных народов, стремясь заменить их православными верованиями. Главное внимание миссионеров было обращено на бытовые обряды, сопровождающие рождение ребёнка, свадьбы, промыслы, погребение умершего, его поминовение [Гаер, 1991, 6]. Таким образом, к концу 1920-х гг. отечественной наукой был накоплен богатый этнографический материал о бытовой, обрядовой и духовной практике гольдов, описаны их религиозные представления, картина мира. Хотя большинство работ носили описательный характер, они зафиксировали точные сведения о специфике бытовой обрядности гольдов и мировоззрении туземного народа. Накопленный этнографический материал позволил уже советским исследователям провести сравнительно-типологический анализ обрядовых практик различных малочисленных народов Дальнего Востока [Золотарёв, 1939, 54–73].

С конца 1920-х гг. в советской культуре намечается поворот к унификации этнического своеобразия населяющих огромные пространства Советского Союза народов под эгидой великой общности «советского народа», избавившегося от родовых предрассудков и религиозных пережитков. В литературе эта тенденция странным образом переплетается с ещё не успевшим прослыть «мелко-буржуазным» стремлением «литературы факта» к этнографизму [Забияко, 2016, 283–308]. В 1932 г. в Киеве бывшим дальневосточником, писателем Венедиктом Мартом (В. Матвеевым) был опубликован рассказ «Дэрэ – водяная свадьба» [Март, 1932]. Выросший в семье известного краеведа-дальневосточника, с юности начав свои собственные этнографические штудии [Забияко, Левченко, 2014], Венедикт Март очень скрупулёзно изучил тот исследовательский материал, который был накоплен наукой о жизни, быте, мировоззрении, обычаях и религиозных представлениях гольдов до конца 1920-х гг. В рассказе «Дэрэ – водяная свадьба» писатель-дальневосточник этнографический сюжет переходной обрядности сделал объектом художественного осмысления. Описание свадебного обряда стало материалом, который позволил писателю показать новый тип героя в среде малочисленных народов Дальнего Востока. Этот герой освобождает себя от должного соблюдения вековых родовых устоев и устремляется к новому будущему, в котором хочет обрести семейное и человеческое счастье. Несмотря на то, что Венедикт Март пишет об отрицании религиозных обычаев и традиций новым поколением нанайцев, рассказ является, по сути, чётко зафиксированным в своей основе содержанием свадебного обряда гольдов [Землянская, 2020].

В основу повествования положен финальный этап этого ритуала — «дэрэ (умыкание) — мнимое похищение гямакты» [невесты. — К.З.] [Март, 1932, 18]. Март почти дословно цитирует исследование И.А. Лопатина, посвящённое данному обряду: «дэрэ — самая весёлая, самая забавная и шумная часть гольдской свадьбы. Родители и родственники невесты и жениха назначают особый день для проводов невесты, шуточного "похищения" её и перехода из дома родителей в дом жениха» [Март, 1932, 27].

Март не ограничивается описанием свадебного обряда, в одном из эпизодов рассказа внимание повествователя обращено к погребальному обряду. Он, в отличие от свадебного обряда, описан не столь подробно: «Сигакта-Овод ушёл в подземный мир <...> Тинхэ-Давящая Вниз — жена его полезла под одеяло к трупу и спала с мертвецом, по старинному обычаю нашему. <...> Тинхэ омыла тело Овода, обрядила его в "сопка каче" и "сабоота" [халат и сапоги из рыбьей кожи. — К.З.], уложила в кедровый гроб и похоронила корявого Овода. Над могилой отца твоего мы закололи его любимую собаку — "Моржа" <...> Через два месяца после похорон твоего отца Тинхэ пригласила родичей-однофамильцев на малые поминки; шаман

отыскал блудную душу Сигакта-Овода и уложил её в "фанью" <...> в гроб к Оводу мы положили, кроме разной домашней утвари, царские бумажные деньги. Хоть теперь ничего нельзя купить на земле на эти деньги, всё-таки, может быть, в подземном царстве они ещё в ходу и пригодятся покойнику...» [Март, 1932, 10–11]. Действительно, в традиции гольдов существовал обычай класть в гроб умершего, помимо кухонной утвари, какие-либо мелкие вещи: лоскутки материй, блестящие обёртки от конфет, нарисованные медные китайские монеты [Лопатин, 1922, 288; Гаер, 1991, 92]. В деталях, упомянутых Мартом, видится существенное влияние китайской похоронной традиции. Даже после вхождения в состав Российской империи китайские религиозные традиции оказывали влияние на все сферы жизни гольдов [Аниховский, 2009]. Но Март пытается, как говорится, «убить двух зайцев» — он не только фиксирует элементы религиозного синкретизма в гольдской и китайской религиозности, но и подчёркивает бесповоротную бесполезность царских денег в советской жизни.

Сам похоронный обряд гольдов, исходя из работ этнографов, столь же многопланов и событиен, как и свадебный. Март избирательно относится к тем элементам похоронного обряда, которые включает в своё художественное произведение. Писателем чётко зафиксирована гольдская традиция захоронения в землю, использование кедровых гробов, почитание особой подушки – «фанья», где находится душа покойника, обнаруженная шаманом, обычай кормления этой подушки, обычай спать ночь жене с мёртвым мужем, обычай убивать собаку покойного над его могилой. Экзотические, с точки зрения советского читателя, гольдские элементы похоронного ритуала Март соединяет с привычными русскому сознанию элементами православного похоронного обряда: омывание трупа родственниками, обряжение его ими же в чистую одежду. Писатель знал, что эти элементы похоронного обряда чужды аборигенному народу – в этнографической литературе, известной Марту, эти моменты оговаривались многократно [Шимкевич, 1896, 36–37; Лопатин, 1922, 286]. Публикация рассказа пришлась на ту пору, когда советское правительство начало реализовывать политику правового равноправия в отношении малочисленных народов Сибири, Дальнего Востока и советского населения [Агаларханова, 2013]. Очевидно, Март намеренно соединил элементы похоронной традиции разных народов в единое художественное целое. Тем самым Март подводит читателя к мысли, что в традициях гольдов много схожего с русскими традициями. Не случайно для трансляции этой идеи выбран обряд перехода, важность которого подчёркивается в любой культуре. Эта мысль дополняется сюжетными линиями, которые «позволяют» главному герою – тунгусу Амбе – встроиться в современное советское общество. Тем самым писатель выполняет задачу «идейной переделки и воспитания трудящихся в духе социализма» [Первый Всесоюзный съезд, 1934, 716]. Известно, что в дореволюционной литературе было расхожим мнение о примитивности «инородцев» - тунгусских народов - по сравнению с русским народом, но в русле новой политики такая позиция была невозможна. Писатель приближает читателя к мысли, что аборигенный народ такой же самобытный, как и русский, и другие, но у него свои традиции, которые отличаются от привычных советскому читателю.

Несмотря на обилие этнографических подробностей похоронного обряда, Мартом не затрагиваются мировоззренческие представления гольдов о загробном мире. Ориентированность на «литературу факта» заставляет писателя включать в художественное произведение только тот этнографический материал, который будет понятен его советскому читателю, не перегруженному научными знаниями и книжной культурой. Углубление в сложную систему представлений о загробной жизни противоречило бы и лаконичному стилю «литературы факта», и атеистическим настроениям читателей, а тем более — критиков. Тем не менее, в настоящее время данный текст интересен не только литературоведам, но и этнографам как источник.

Таким образом, дореволюционная этнографическая наука зафиксировала утрату гольдским народом многих особенностей как в обрядовой практике, материальной культуре, так и в сфере духовного мира. Исследователи отразили влияние на культуру аборигенного народа традиций более образованного соседа — Китая — в духовной и материальной культуре, а также русское влияние, которое в большей

степени зафиксировано в смене формы захоронений. Несмотря на влияние китайцев, маньчжуров и русских, гольды смогли сохранить веру в духов и практику шаманства. Огромный пласт этнографической литературы о гольдах, сформированный к концу 1920-х гг., отразился в творчестве В. Марта, воплотившем дореволюционный исследовательский материал в синтезе художественного этнографизма и «литературы факта» начала 1930-х гг.

Благодарность

Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 20-012-00318 «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)»

Acknowledgement

The research is supported by a grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-012-00318 «Images of Russia and China in literary ethnography (based on materials from Russian and Chinese literature, journalism of Manchuria in the 1920s – 1940s. XX century)»

Библиографический список

- 1. Агаларханова, А.А. Национальная политика Российской империи и Советской России в отношении коренных, малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока / А.А. Агаларханова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 6. С. 18—26.
 2. Аниховский, С.Э. Влияние этнических и религиозных традиций Китая на духовную куль-
- 2. Аниховский, С.Э. Влияние этнических и религиозных традиций Китая на духовную культуру нанайцев в XIX начале XX вв. / С.Э. Аниховский // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству. Вып. 8 / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2009. С. 483—490.
- 3. Брылкин, А. Краткий очерк о туземцах Уссурийского края / А. Брылкин // Записки Сибирского отдела императорского русского географического общества. Иркутск, 1864. Кн. 7. С. 1–9.
- 4. Венюков, М.И. Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них / М.И. Венюков. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1868. 528 с.
- 5. Гаер, Е.А. Традиционная бытовая обрядность нанайцев в конце XIX начале XX в. / Е.А. Гаер. М.: Мысль, 1991.-126 с.
- 6. Грум-Гржимайло, Г.Е. Описание Амурской области / Г.Е. Грум-Гржимайло / Под ред. П.П. Семёнова. СПб.: Типо-литография и переплётная С.М. Николаева, 1894.-640 с.
- 7. Ельницкий, К.В. Инородцы Сибири и Среднеазиатских владений России / К.В. Ельницкий. СПб.: Изд. Д.Д. Полубояринова, 1895. 136 с.
- 8. Забияко, А.А. «Кошмарная чудь» японского бестиария: образ Каппы в русской литературе начала XX в. (В. Март) / А.А. Забияко, А.А. Левченко // Религиоведение. 2014. № 3. С. 187—195.
- 9. Забияко, А.А. От мистики Востока к литературе факта (Венедикт Март) / А.А. Забияко // Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронтира: культура и литература русского Харбина. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. С. 283–307.
- 10. Забияко, А.П. Народы и религии Приамурья / А.П. Забияко, А.О. Беляков, А.С. Воронина, Е.А. Завадская, Я.В. Зиненко, Е.А. Конталева, В.С. Матющенко, О.В. Пелевина, К.И. Родионова, Н.В. Чирков / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2017. 424 с.
- 11. Землянская, К.А. Свадебная обрядность гольдов в художественной этнографии Венедикта Марта (на материале рассказа «Дэрэ водяная свадьба») / К.А. Землянская // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: Народы и культуры Северо-Восточного Китая. Вып. 13 / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2020. С. 304–313.
- 12. Золотарёв, А.М. Родовой строй и религия ульчей / А.М. Золотарёв. Хабаровск: Дальгиз, 1939.-205 с.
- 13. История и культура нанайцев. Историко-этнографические очерки / С.В. Березницкий, Е.А. Гаер, С.Ф. Карабанова и др. СПб.: Наука, 2003. 194 с.

14. Кропоткин, Д. От устья Тунгуски до сопки Каутырь / Д. Кропоткин // Записки общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела Русского географического общества. – Владивосток, 1896. – Т. 5. – Вып. 1. – С. 1–21.

- 15. Лопатин, И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские: Опыт этнографического исследования / И.А. Лопатин // Зап. ОИАК Владивостокского отделения ПОРГО. Владивосток: Тип. Управления внутр. дел, 1922. Т. 17. 366 с.
- 16. Маак, Р.К. Путешествие на Амур, совершённое по распоряжению Сибирского отдела Русского географического общества в 1855 году Р. Мааком / Р. Маак. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1859. 577 с.
- 17. Максимович, К.И. Амурский край. Из ботанического сочинения / К.И. Максимович // Записки Императорской академии наук. Приложение. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1862. Т. 2. С. 1–90.
- 18. Март, В. Дэрэ водяная свадьба: рассказ / В. Март. Киев: Коммуна писателей, 1932. 39 с.
- 19. Мичи, А. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири, с прибавлением статей из путешествий Г. Радде, Р. Маака и др. / А. Мичи. СПб.: Изд. М.О. Вольфа, 1868. 353 с.
- 20. Надаров, И.П. Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края: по результатам путешествия генерального штаба полковника И. Надарова 1882–83 гг / И.П. Надаров. Владивосток: Тип. Штаба гл. командира портов Восточ. океана, 1884. 39 с.
- 21. Огудин, В.Л. Шаманство / В.Л. Огудин // Энциклопедия религий / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2008. С. 1425–1426.
- 22. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчёт / Ред. И.К. Луппол, М.М. Розенталь, С.М. Третьяков. М.: Худ. лит, 1934. 720 с.
- 23. Смоляк, А.В. Нанайцы / А.В. Смоляк // Народы и религии мира. Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1999. С. 365–366.
- 24. Шимкевич, П.П. Материалы для изучения шаманства у гольдов / П.П. Шимкевич / Под ред. М.Я. Сибирцева. Хабаровск: Типография канцелярии Приамурского генералгубернатора, 1896.-135 с.
- 25. Шимкевич, П.П. Некоторые моменты из жизни гольдов и связанные с жизнью суеверия / П.П. Шимкевич // Этнографическое обозрение. Издание этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете / Под ред. Н.А. Янчука. 1897а. № 3. С. 1—20.
- 26. Шимкевич, П.П. Обычаи, поверья и предания гольдов / П.П. Шимкевич // Этнографическое обозрение. Издание этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете / Под ред. Н.А. Янчука. − 18976. № 3. С. 135−147.
- 27. Шренк, Л.И. Об инородцах Амурского края: В 3 т. Т. 1: Части географическо-историческая и антропо-этнологическая. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1883. 323 с.
- 28. Штернберг, Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи и материалы / Л.Я. Штернберг / Под ред. А.Я. Алькор (Кошкина). Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.
- 29. Штернберг, Л.Я. О религиозных воззрениях гольдов / Л.Я. Штернберг // Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции / Под ред. Я.П. Алькора. Л.: Изд-во ин-та народов севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. С. 62–72.

Текст поступил в редакцию 04.05.2020. Принят к публикации 24.08.2020. Опубликован 24.12.2020.

¹В статье использован хронологический принцип по времени опубликования этнографических материалов. Фактически, впервые религиозные представления нанайцев были зафиксированы Шренком, совершившим экспедицию по Амуру на год раньше Маака (1854), но опубликовавшего свои исследования значительно позже (1883–1903).

References

1. Agalarhanova A.A. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East]. 2013, no. 6, pp. 18–26 (in Russian).

2. Anihovskij S.E. *Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah: ot konfrontacii k sotrudnichestvu* [Russia and China on the Far Eastern Borders: From Confrontation to Cooperation]. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009, vol. 8, pp. 483–490 (in Russian).

3. Brylkin A. *Zapiski Sibirskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Irkutsk, 1864, no. 7, pp. 1–9 (in Russian).

- 4. Venyukov M.I. *Puteshestviya po okrainam russkoj Azii i zapiski o nih* [Travels on the outskirts of Russian Asia and notes about them]. St. Peterburg: Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk, 1868, 528 p. (in Russian).
- 5. Gaer E.A. *Tradicionnaya bytovaya obryadnost' nanajcev v konce XIX nachale XX v.* [Traditional everyday rituals of the Nanai in the late 19th early 20th centuries]. Moscow: Mysl', 1991, 126 p. (in Russian).
- 6. Grum-Grzhimajlo G.E. *Opisanie Amurskoj oblasti* [Description of the Amur region]. St. Peterburg: Tipo-litografiya i perepletnaya S.M. Nikolaeva, 1894, 640 p. (in Russian).
- 7. El'nickij K.V. Inorodcy Sibiri i Sredneaziatskih vladenij Rossii [Foreigners of Siberia and Central Asian possessions of Russia]. St. Peterburg: Izdanie D.D. Poluboyarinova, 1895, 136 p. (in Russian).
- 8. Zabiyako A.A., Levchenko A.S. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk: Makro-S, 2014, no. 3, pp. 187–195 (in Russian).
- 9. Zabiyako A.A. *Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Harbina* [Mentality of the Far Eastern frontier: culture and literature of Russian Harbin]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk, 2016, pp. 283–307 (in Russian).
- 10. Zabiyako A.P. *Narody i religii Priamur'ya* [Peoples and religions of the Amur region]. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2017, 424 p. (in Russian).
- 11. Zemlyanskaya K.A. *Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah: Narody i kul'tury Severo-Vostochnogo Kitaya* [Russia and China on the Far Eastern Frontiers: Peoples and Cultures of Northeast China]. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2020, vol. 13, pp. 304–313 (in Russian).
- 12. Żolotaryov A.M. *Rodovoj stroj i religiya ul'chej* [Tribal system and religion of Ulchi]. Habarovsk: Dal'nevostochnoe gosudarstvennoe knizhnoe Publ., 1939, 205 p. (in Russian).
- 13. Istoriya i kul tura nanajcev. Istoriko-etnograficheskie ocherki [History and culture of the Nanai. Historical and ethnographic essays]. St. Peterburg: Nauka, 2003, 194 p. (in Russian).
- 14. Kropotkin D. *Zapiski obshchestva izucheniya Amurskogo kraya Vladivostokskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Society for the Study of the Amur Region of the Vladivostok Branch of the Amur Department of the Russian Geographical Society]. Vladivostok, 1896, vol. 5, no. 1, pp. 1–21 (in Russian).
- 15. Lopatin I.A. Zapiski Obshchestva izucheniya Amurskogo kraya, Vladivostokskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva [Notes of the Society for the Study of the Amur Region, Vladivostok Branch of the Amur Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Vladivostok, 1922, vol. 17, 366 p. (in Russian).
- 16. Maak R.K. Puteshestvie na Amur, sovershennoe po rasporyazheniyu Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva v 1855 godu R. Maakom [Journey to the Amur, made by order of the Siberian Department of the Russian Geographical Society in 1855 by R. Maak]. St. Peterburg: Tipografiya K. Vul'fa. 1859, 577 p. (in Russian).
- K. Vul'fa, 1859, 577 p. (in Russian).

 17. Maksimovich K.I. *Zapiski Imperatorskoj akademii nauk. Prilozhenie* [Notes of the Imperial Academy of Sciences. Application]. St. Peterburg: Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk, 1862, vol. 2, pp. 1–90 (in Russian).
- 18. Mart V. *Dere vodyanaya svad'ba* [Dere the Water Wedding]. Kiev: Kommuna pisatelej, 1932, 39 p. (in Russian).
- 19. Michi A. *Puteshestvie po Amuru i Vostochnoj Sibiri, s pribavleniem statej iz puteshestvij G. Radde, R. Maaka i drugih* [Travel along the Amur and Eastern Siberia, with the addition of articles from the travels of G. Radde, R. Maak and others]. St. Peterburg: Izdanie M.O. Vol'fa, 1868, 353 p. (in Russian).
- 20. Nadarov I.P. Ocherk sovremennogo sostoyaniya Severo-Ussurijskogo kraya: po rezul'tatam puteshestviya general'nogo shtaba polkovnika I. Nadarova 1882–83 gg. [Essay on the current state of the North Ussuriysk Territory: based on the travel results of the General Staff of Colonel I. Nadarov in 1882–83]. Vladivostok: Tipografiya SHtaba glavnogo komandira portov Vostochnogo okeana, 1884, 39 p. (in Russian).
- 21. Ogudin V.L. *Enciklopediya religij* [Encyclopedia of religions]. Moscow: Akademicheskij Proekt; Gaudeamus, 2008, pp. 1425–1426 (in Russian).
- 22. Pervyj Vsesoyuznyj s"ezd sovetskih pisatelej. Stenograficheskij otchet [First All-Union Congress of Soviet Writers. Verbatim record]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1934, 720 p. (in Russian).
- 23. Smolyak A.V. *Narody i religii mira. Enciklopediya* [Nations and religions of the world. Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossijskaya Enciklopediya, 1999, pp. 365–366 (in Russian).
- 24. Shimkevich P.P. *Materialy dlya izucheniya shamanstva u gol'dov* [Materials for studying shamanism among the Golds]. Khabarovsk: Tipografiya kancelyarii Priamurskogo general-gubernatora, 1896, 135 p. (in Russian).
- 25. Shimkevich P.P. Etnograficheskoe obozrenie. Izdanie etnograficheskogo otdela Imperatorskogo obshchestva lyubitelej estestvoznaniya, antropologii i etnografii, sostoyashchego pri Moskovskom universitete [Ethnographic Review. Published by the ethnographic department of the Imperial Society of Lovers of Natural Science, Anthropology and Ethnography, affiliated with Moscow University]. 1897a, no. 3, pp. 1–20 (in Russian).

26. Shimkevich P.P. Etnograficheskoe obozrenie. Izdanie etnograficheskogo otdela Imperatorskogo obshchestva lyubitelej estestvoznaniya, antropologii i etnografii, sostoyashchego pri Moskovskom universitete [Ethnographic Review. Published by the ethnographic department of the Imperial Society of Lovers of Natural Science, Anthropology and Ethnography, affiliated with Moscow University]. 18976, no. 3, pp. 135–147 (in Russian).
27. Shrenk L.I. *Ob inorodcah Amurskogo kraya* [About foreigners of the Amur region]. St. Peterburg:

Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk, 1883, vol. 1, 323 p. (in Russian).

28. Sternberg L.Ya. *Gilyaki, orochi, gol'dy, negidal'cy, ajny. Stat'i i materialy* [Gilyaks, Orochi, Golds, Negidal, Ainu. Articles and materials]. Khabarovsk: Dal'nevostochnoe gosudarstvennoe knizhnoe Publ., 1933, 740 p. (in Russian).

29. Sternberg L.Ya. Pervobytnaya religiya v svete etnografii. Issledovaniya, stat'i, lekcii [Primitive religion in the light of ethnography. Research, articles, lectures]. Leningrad: Izdatel'stvo instituta narodov severa

CIK SSSR im. P.G. Smidovicha, 1936, pp. 62-72 (in Russian).

Submitted for publication: May 4, 2020. Accepted for publication: August 24, 2020. Published: December 24, 2020.